

8 МАР. 1942

25 мая 1925 года в «Бакинском рабочем» было опубликовано стихотворение С. Есенина «Баку». Оно давно стало хрестоматийным и входило едва ли не во все собрания сочинений поэта, в многочисленные сборники его произведений. В газете над стихотворением было посвящение: «Василию Ивановичу Болдовкину». Об этом человеке мне и захотелось рассказать читателю. Записи о встречах и беседах с ним сохранились в блокнотах двадцатилетней давности, содержание их не было обнародовано, а между тем и личность Болдовкина, его трудовая и общественно-политическая деятельность, дружба с великим поэтом, думаемая, заслуживают того, чтобы и спустя годы к ним вернуться.

В III томе Собрания сочинений С. Есенина, вышедшем в 1962 году, есть любопытное примечание: «В Персии Есенин никогда не был, хотя неоднократно туда собирался. В «Персидских мотивах» отразились впечатления от Кавказа, а также воспоминания о Средней Азии, где он побывал весной 1921 г. Определенное значение имели для Есенина и подробные рассказы о Персии В. И. Болдовкина (брата П. И. Чагина), который долгое время работал в советском полпредстве в Тегеране».

Большую и бурную, полную событий жизнь прожил Василий Иванович Болдовкин, и работа, связанная с Ираном, — одна из наиболее интересных и ярких ее отрезков. Довелось мне увидеть и чудом сохранившийся у Болдовкина дипломатический паспорт, датированный январем 1923 года, и мандат, составленный в духе того времени: «Объявляется всем и каждому, что предъявитель сего — дипкурьер. Просят правительства всех дружественных народов, все российские военные, гражданские и общественные установления оказывать ему всяческое содействие и помощь».

— Как я стал дипкурьером, а затем комендантом советского полпредства, сотрудничал с политканцелярией? Вызывал меня в ЦК Сергей Миронович Киров, у него находился пред-

ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКОЕ

БАКИНСКИЙ ДРУГ ЕСЕНИНА

ставитель наркоминдела... Было дано партийное поручение, — объяснил Болдовкин.

Рассказчик Василий Иванович был великолепный, говорил он страстно, мыслил образно. У него, автора популярной в свое время «Книжки про нефть», выходившей для детей не единожды на русском и азербайджанском языках, был очевидный литературный дар. На машине, случалось, верхом, а то и с караваном верблюдов доставлял Болдовкин дипломатическую почту, деньги. Снежной зимой преодолевал горные перевалы, отражал налеты бандитов, избегал искусно расставленные провокации-ловушки. Это было в пору, когда на советских дипкурьеров совершали покушения, за ними охотились и, несмотря на дипломатический паспорт и внушительный мандат, любой из посланцев мог разделить судьбу дипкурьера Нетто. Наблюдательный и впечатлительный, Болдовкин сумел изучить нравы, обычаи, быт соседней с нами страны, и нетрудно представить, как жадно слушал его Есенин.

— Он настаивал на подробностях, улавливал малейшие оттенки, развивал мои рассказы, по-своему трактовал их, с удивительной прозорливостью постигая суть, — делился Василий Иванович.

На фотографии, хранившейся в личном архиве Василия Ивановича и помеченной маем 1925 года, он снят вместе с Сергеем Есениным на балконе своего дома, выходившего на нынешнюю бакинскую пло-

щадь имени Карла Маркса. Оба — поглощены разговором, глаза широко раскрыты, жесты рук выразительны, красноречивы.

А с Есениным Василий Иванович был неплохо знаком еще по Москве, с 1918 года. Рабочий, паренек с Даниловской мануфактуры, бредивший мировой революцией, самозабвенно любил стихи и старался не пропускать ни одного вечера поэзии, на котором выступал Сергей Есенин. Был горд тем, что тот приветил его.

Не без волнения держал я в руках билет члена РКСМ за номером 291, выданный Болдовкину в начале 1919 года в Замоскворецком районе Москвы. Василий Иванович был одним из первых комсомольцев в нашей стране. Уже с конца семнадцатого года он заявил о себе как активист Союза пролетарской молодежи. Был ранен в ногу в схватке с бандой анархистов.

Как оказался Василий Иванович в Баку? Коммунист с двадцатого года, он уже имел богатую боевую биографию: командовал продотрядом, участвовал в подавлении антоновского мятежа, входил в оперативную бригаду московского уголовного розыска. В 1921 году его послали в Астрахань для отгрузки хлеба бакинским рабочим. С очередным транспортом он и прибыл на Апшерон. Потом прикипел сердцем к городу, где с поразительной — для общей обстановки разрухи — быстротой и энергией возрождались нефтепромыслы и заводы, налаживалась новая

жизнь.

Эти нефтепромыслы Василию Ивановичу пришлось и охранять (Болдовкин был одним из командиров штаба внутренней охраны «Азнефти»), он занимался и снабжением, и организацией детских садов и санаториев в Мардакяхнах.

Мы с понятным восхищением пишем о людях, которые всю свою долгую трудовую жизнь проработали на одном месте. Так уж получается, что длинный перечень должностей и объектов в трудовой книжке невольно настраивает на неуважение к ее владельцу. Но далеко не всегда это обоснованно. Просматривал я толстую, с дополнительно подклеенными листками трудовую книжку Василия Ивановича Болдовкина, делал из нее выписки и дивился, как мог один человек выступать в столь разных ипостасях. Заведовал торг-отделом рабочего кооператива «Труд», работал в восточном отделе наркомвнешторга и на строительном участке нефтепровода Баку—Батуми, возглавлял техническую пропаганду в нефтяной промышленности. Строил дороги в степи и в горах, сооружал Самур-Дивичинский канал, был на ответственных должностях в «Главнефтьесбыте», на дальних нефтяных разведках.

Кипучая, чрезвычайно деятельная натура Болдовкина, видимо, нуждалась в действии, в частой смене обстановки. Он с готовностью брался за выполнение любых партийных заданий, не боялся никакой работы, подчас переучиваясь и

осваиваясь на ходу, и это хорошо знали. Но характерно, что куда бы судьба ни забрасывала Болдовкина, он, коренной москвич, неизменно возвращался в Баку, в Азербайджан. Даже из Москвы тридцатых — сороковых годов охотно переезжал назад в Баку; не задумываясь, менял престижные столичные посты на внешне скромную работу в Азербайджане.

В ту пору, когда мы встречались с Василием Ивановичем, он был заместителем директора Карадагского цементно-гипсового комбината. Окна его делового кабинета были обращены к погрузочной площадке, откуда уходили машины с цементом. Разговаривая, Василий Иванович то и дело скашивал глаза на площадку, тревожась, нет ли сбоя в транспортном конвейере. Он дневал и ночевал на производстве, не щадя себя, обеспечивал четкую поставку продукции. И поселок Приморск был предметом его горячих забот. Болдовкин, в прошлом неоднократный депутат Баксовета, с гордостью сообщал о том, что является депутатом Приморского поселкового Совета.

Припадая на левую ногу, в которой со времен гражданской войны сидел осколок, с расправленными, несмотря на возраст, плечами, он стремительной походкой шел из цеха в цех, в поселок и обратно, смело принимая решения, не чураясь самой черновой работы. Одухотворенное у него было лицо: высокий лоб, умные серо-голубые глаза, губы, которые часто улыбались, и строгая, седеющая борода, которая так не вязалась с общим обликом.

В пятидесятые и шестидесятые годы интерес к творчеству Сергея Есенина возрос с новой силой, и к Василию Ивановичу Болдовкину приезжали из Москвы и Ленинграда литературоведы, к нему обращались за консультацией ученые, специалисты. Василий Иванович щедро предоставлял свои документы, связанные с жизнью и творчеством великого поэта, в распоряжение музеев и архивов.

Л. ПОЛОНСКИЙ.